

Офросимов Ю. Сапоги всмятку // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1953. 26 апреля.
№ 14974. С. 2.

САПОГИ В СМЯТКУ

(Воспоминания Ольги Чеховой*)

Каждого, кто помнил Ольгу Чехову по экрану, по ее многочисленным фильмам — воспоминания ее болельщиков разбудят. А всякого, кто знает, что Ольга Чехова племянница артистки МХТ О. Л. Книппер, имя свое носит по первому своему мужу М. Чехову, племяннику А. П. Чехова и с правом называет А. П. Чехова дядей — воспоминания ее покоряют: имена — обязывают.

Воспоминания Чеховой называются «Я ни о чем не умалчиваю». В той их части, где говорится о России не только «ни о чем не умалчивает» автор, но договаривается до такого, что не часто встречается и у локтей — спевистов иностранных фильмов на русские сюжеты.

Уже в самом начале мы узнаем, сколько дядежному случаю должны мы быть благодарны за то, что Ольга Чехова не пошла младенец. Перед родильным домом малышка Ольга поконилась в саду одна без надзора и колыхалась. И вдруг отец, случайно выходя из окна, видит, что малышка пыталась из колыбели и тащит в своей пасти — шпатель! Можно себе представить растерянность родителей: отец бросился к ручью, мать — наговору за шпатель...

Малышку спас повар-грузин: он метнул в шпатель кухонный нож с такой ловкостью, что прошил зверя насквозь и тот пошел на место...

Герой одного из чеховских рассказов Редьярд Киплинг сказал бы про такой случай: «все может быть, все может быть»... Но дальше в это философское изречение встраивается...

Отец Ольги Чеховой был — по ее словам — д-р наук, д-р философии, эксперт по строительству железных дорог, мостов и туннелей с междупродами и туннелями. «Все может быть, все может быть». Но Ольга Чехова производит своего отца еще — в министры путей и сообщений, а заодно уж и дядю своего, не А. П. Чехова, а другого — назначает конюшимым войсками московского округа. Для этого описаны жизни самоубийством в 1906 году, чтобы не выполнять приказ стрелять по восставшим войскам, с которыми он проделал японскую войну. «Министр» Киплинг жил с своей семьей в холщовом — прекрасном имени на Кавказе вблизи поерсидской границы — там и произошел казус с шпатель — или в своем московском доме, где охотно бывали Л. Толстой, Чайковский, Элеонора Дузе, Карузо, Шалитин, Чехов, Рахманинов, Глазунов... Но министр и его семья не часто сидели на месте: министру надо было «наблюдать за постройкой мостов и туннелей», и он разъезжал по всей Европейской и Азиатской России и в свой салон-вагон забирал не только всю семью, но и многочисленных разнообразных животных и даже рыб, помещавшихся в специально оборудованном в вагоне привидном аквариуме...

Однажды, гуляя по московскому Кремлю, супруга министра с маленькой Олей повстречали «необыкновенно красивый, богато разукрашенный золотом экипаж, запряженный четверкой» — все же Ольга Чехова не надела на головы находившихся в этом сказочном экипаже последних царя и царицы, золотых корон... Вскоре после этой встречи дочь министра, благодаря своей бабушке — фрейлине, была представлена при дворе и стала участницей игр царских детей. И ей известны такие подробности, о которых мы до сих пор ни от кого не слышали — великие князья, например, называли себя по начальным буквам их имен — «ОТМА» и «говорила всегда о себе, как об одном лице»...

Конечно, была Ольга Чехова свидетельницей и того, как Распутин гипнотизмом останавливал кровотечение у царицы. Не оставил «старца» без внимания и супругу министра:

в то время семья министра Книппер жила в своем поезде, стоявшем в Москве на запасных железнодорожных путях. Из за покушений на царя и вследствие крупных беспорядков поезда тщательно охранялись — и все же, расставив и разогнав стражу, Распутин представил однажды перед перенужденной супругой министра и успел загипнотизировать — слава Богу, не ее, а находившуюся у нее в гостях близкую подругу, видную генеральшу: ночью генеральша сорвалась с супружеского ложа, устремилась, несмотря на погромы генерала, к распутинской квартире, но перед тем, как захлопнуть распутинскую дверь, успела все же шепнуть подоспевшему бедняге-генералу «прости меня... но я не могу иначе...» и с тем оставила ошарашенного супруга на лестнице...

Но не только Николая II и его детей знала лично Ольга Чехова — была она знакома и с матерью Ленина, производившей впечатление «спокойной, очень добродушной женщиной», а Керенский похож, по ее мнению, — на Геббельса...

Все же главными интересами в семье министра были интересы духовные. Конечно, встречалась Ольга Чехова со своим дядей, А. П. Чеховым — однажды как раз тогда, когда он «вернулся с Сахалина, потрясенный ужасными картинами законных а цепи русских людей, сосланных на Сахалин царем на всю жизнь»... Вообще же племянница А. П. Чехова сохранила о нем воспоминания, ни на какие другие не похожие; вообще ни на что не похожие! Так, вспоминает она, без О. Л. Книппер — Чехов бы погиб. До знакомства с ней он писал только «маленькие рассказы и стихи», с трудом существовал и маной-то издатель купил у него права на все, что он уже написал и на все, что напишет в будущем — «книжки, рассказы, стихи» — за деньги, равняющиеся теперь по подсчету автора — тысяче немецких марок. От этого контракта не мог освободиться Чехов всю жизнь, вел против издателя судебный процесс и проиграл во всех инстанциях... «Он наверно или умер бы от голода, или бросил писать» — утверждает племянница — когда бы не О. Л. Книппер-Чехова, «настаивавшая на постановке его пьес и сама их издававшая»... «Пьесы, благодаря О. Л. Книппер, все же давали ему доход»...

Встречалась, конечно, Ольга Чехова и с Л. Толстым; подростком гостила она несколько недель в Ясной Поляне и «во время прогулок через густые леса рассказывал он мне самые красивые сказки, которые я когда либо слыхала, и грустные истории, в которых выражалось его отрицание войны и милитаризма»... Эти прогулки «через густые леса» не помещали Ольге Чеховой приписать дальше «Поликушку» — Горькому...

Если сам Толстой был до некоторой степени воспитателем девочки-Чеховой — ясно, что когда она подросла и учителя у нее были совершенно особенные. Скулытюре учил ее князь Паоло Трубецкой — «муж Анны Павловой», а живописи «Пьерр Бакст»; это, конечно, мелочи, что Паоло Трубецкой мужем Павловой не был, а имя Бакста — Леон. Досадный провал памяти у ученицы... Частные же уроки драматического искусства павал ей Станиславский. Завершается эпопея Ольги Чеховой в России описанием ее свадьбы с М. Чеховым, на которой одним из шаферов был Максим Горький.

Вскоре после свадьбы Ольга Чехова рассталась с Россией и крепко села в Германию и здесь следует самый замечательный эпизод из всех ее необычайных воспоминаний. Родители Ольги Чеховой, бывший царский министр с супругой, остались в Советской России. Первые годы жизни они спокойной, ни в чем не нуждаясь, и своем маленьком имении, сами себя обслуживая. Но когда бывший министр почувствовал, что жизнь его близится к концу — он пожелал быть похороненным в фамильный гробница в Москве, где

поклонились не только его родители и родственники, но и при слуга, обычно очень долго служившая у министра.

Мать Чеховой развилась, села в поезд и поехала в Москву — к Сталину. Сталина она встретила когда то на его родине — «в предместии Тифлиса — Горки» и в своей ранней молодости «горячо его обожала, потому что он был прекрасно сложен, очень красив и имел великолепные черные волосы». В Кремле она приказала о себе доложить Сталину, как о «голубушке из Горки», была им сейчас же принята, «с сердечным попросила Сталина предоставить ей мужу квартиру в его старом московском доме и гарантировать ему полный покой, чтобы он мог тихо умереть, не заметив происшедших перемен». Сталин кивнул головой: «Хорошо, я вас отлично понимаю». И бывший царский министр Книппер мог спокойно скончаться в своем доме.

Если воспоминания складываются из таких случаев — вполне на месте и такие эпизоды из позднейшей уже жизни Ольги Чеховой. Мать ее переехала тоже в Германию и во времена третьего Райха особенно ненавидела Геббельса, бывшего частым гостем Чеховой. Однажды, когда Геббельс находился у Чеховой, в комнату вошла мать и, делая вид, что не замечает Геббельса, не здороваясь с ним и не вынимая изо рта папиросы, направилась к книжному шкафу. Геббельс вскричал: «Ваше превосходительство, разрешите!»... — но на это мать Чеховой никак не реагировала и, продолжая курить, углубилась в размышления. Тогда Геббельс подошел к ней: «Я прошу вас, ваше превосходительство, сделайте нам честь!»... — На это мать Чеховой холодно произнесла: «Ах доктор, не устраивайте театра! Мой муж тоже ведь был министр — но без всякой лопатки и размышлений, что Россия была тоже Райхом»... И еще эпизод: в день обилье Германии войну России у Геббельса был большой прием и министр спросил Чехову: «Думаете ли вы, что мы будем к Рождеству в Москве?» — Чехова пожала плечами: «Возможно». Но в таком случае к Пасхе — обратно в Берлин. Россию занять невозможно... Вспомните о Наполеоне, о морозах... на мой взгляд, во всякой попытке завоевания России лежит начало конца тех, кто пытаются это сделать»... Этими двумя сочными эпизодами в сущности ограничивается «критическое отношение» Ольги Чеховой к третьему Райху и его водителям — а встречам с ним отведено небольшое число страниц ее книги, думается, что главной задачей автора было развеять легенды, возникшие вокруг ее имени, о чрезмерной близости к этим водителям, в печати после окончания войны появились сведения о том, что Ольга Че-

хова — возлюбленная Гитлера, как, впрочем, и о том, что она — «новая Мата Хари, первая шпионка Сталина и его приятельница»... Останавливаться на таких сенсациях, конечно, не стоит, но не стоит останавливаться и на выяснении ее отношений с самыми выдающимися персонажами Райха, на том, как такая к ним близость возникла, на том, противилась ли ей человеческая натура Ольги Чеховой и как она в те времена хотя бы с самой глубине души расценивала свое окружение. На восприятие посвященных этому страниц влияет чрезмерно уж легкий тон, а главное — предшествующее жизнеописание министерской семьи в России, к которому можно еще добавить, что у Ольги Чеховой служил шофером в Берлине великий князь, а другой великий князь, бывший какой то мелкой сошкой в немецкой кинематографической фирме — по ложил начало ее кино-карьеру. Имен этих великих князей Ольга Чехова по свойственной ей скромности, понятно, не называет, оставляя в недоумении старого берлинца: насколько он может помнить, никакие великие князья в Берлине не проживали.

Читая о человеческой близости Ольги Чеховой к водителям Райха с вытекающими из такой близости для артистки и обязанностями, и привилегиями — не можешь все же прогнать вопрос, неоднократно поднимавшийся в русской

печати и не нашедший пока себе ответа: вопрос о «свободе творчества» артиста, о том, имеет ли эта свобода моральные границы и достаточен ли при известной политической обстановке цит с надписью: «искусство для искусства», а дальше — не мое дело, ничего не знаю!». Но этой теме здесь не место — Ольга Чехова в партии все же не состояла и даже умела избежать ярко пропагандных фильмов; она играла с огнем и сейчас хочет затушить чад и дым голоушек пожара, но пожарные немецкие, и Ольга Чехова немецкая артистка, так что немцам в этом случае — и суждение иметь.

В книжке Чеховой имеются еще анекдоты из кино-жизни — они могут позабавить любителей такого жанра; имеются еще картинки из времен падения Берлина и начала оккупации — передали они, надо сказать, наиболее правдоподобно и ярко. Но для русского читателя, вообще для читателя грамотного, главным остается, конечно, особенность передачи автором русского прошлого. Книжка называется «Я ни о чем не умалчиваю». — Для племянницы О. Л. Книппер-Чеховой и А. П. Чехова, для бывшей жены М. Чехова достойнее было бы молчать, чем «ни о чем не умалчивая» наговорить такое, чему единственное может быть название — заглавие этого отзыва.

Ю. Офросимов.

*) Olga Tschekowa, "Ich verschweige nichts". Verlag Zimmer und Herzog, Berchtesgaden, 1952.